

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32:316.4.051.2

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

А. В. Логинов, Н. И. Шестов*

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск

*Саратовский государственный университет

E-mail: loginov77@rambler.ru, nikshestov@mail.ru

В статье исследуются проблемы методологического плана, связанные с практической применимостью отдельных циклически-волновых теорий и процессом создания теорий фундаментального типа. На основе проведенного анализа авторами предлагается синергетическая концепция политического цикла, оцениваются возможности ее применения в процессе политического анализа и прогнозирования.

Ключевые слова: фундаментальные теории, теории среднего уровня, синергетическая модель политических циклов, сетевая структура, политическое прогнозирование.

The Applications of the Political Cycle Concept with the Use of the Synergetic Approach

A. V. Loginov, N. I. Shestov

The paper presents the methodological problems related to the practicality of the particular cycle-wave theories and to the process of constructing a fundamental theory. Based on the performed analysis the authors propose the synergetic concept of political cycles and investigate the possibility of its use for the political analysis and forecasting.

Key words: fundamental theory, middle level theory, synergetic model of political cycles, network structure, political forecasting.

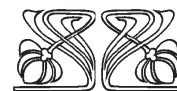
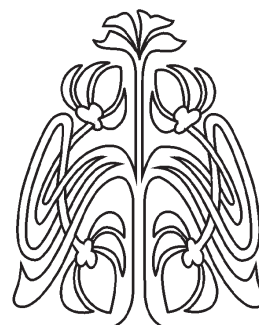
Одной из актуальных задач современной российской политологии является разработка теорий фундаментального типа, которые могли бы на уровне законов, закономерностей панорамно представить и объяснить, что происходит с российской модернизацией. В каком состоянии мы сегодня находимся и, главное, что нас ждет впереди?

На последних трех Всероссийских конгрессах политологов (октябрь 2006 г., ноябрь 2010 г., ноябрь 2012 г.) российские исследователи с завидной регулярностью констатируют, что период ученичества отечественной политической науки закончился, поэтому нужно выработать фундаментальные теории. Однако, несмотря на столь благие пожелания, эта проблема до сих пор не решается, она по-прежнему актуальна. Российский политологический дискурс сфокусирован преимущественно вокруг западных теорий или сосредоточен на стремлении использовать плоды русской политической мысли XIX–XX вв.

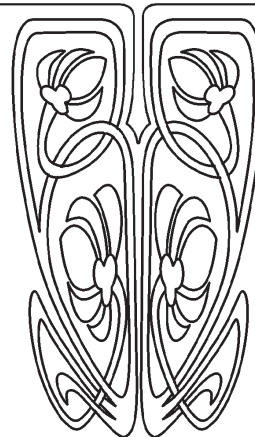
Не отрицая идеи преемственности научных изысканий, вместе с тем, можно констатировать условную применимость политических теорий, изложенных по отношению к иному политическому времени, а также теорий, предлагаемых в русле зарубежной традиции.

Таким образом, задача создания российских фундаментальных теорий поставлена, но не решается на протяжении длительного времени. Можем предположить, что причин этого несколько. Базовой причиной является низкая функциональность и практическая применимость предлагаемых в политической науке теорий.

Следовательно, основное требование – обязательное практическое приложение теоретических постулатов – реализуется далеко не всегда.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Другой причиной, очевидно, является тот факт, что когда создаются теории, любой их автор стремится повысить статус своей теории, ее значимость, функциональность. И он не всегда корректно определяет уровень концептуализации, поэтому зачастую наблюдается стремление создать как можно более широкую теорию, претендующую на фундаментальность, но на деле не являющуюся таковой.

Подобное стремление нередко приводит к тому, что, поставив задачу создания российских фундаментальных теорий, которые бы объясняли настоящее, а главное, будущее, исследователи берутся за решение задачи с обратного конца, то есть сразу с создания фундаментальных теорий. Можно, конечно, предположить, что часть российских исследователей по-прежнему руководствуется лозунгом либеральных реформаторов 1990-х гг. – «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка», хотя в деле построения теорий фундаментального типа полезнее было бы взять за основу другой девиз – «при переходе большой реки нужно чувствовать камни».

Таким образом, не имея еще достаточного запаса теорий первичного и среднего уровня, мы сразу взялись за создание неких фундаментальных теорий. В результате то, что должно завершить общую картину, мы поставили в начало.

В процессе создания теорий фундаментального типа возникает немало соблазнов. Один из них – это стремление опереться на мудрость древних либо на аргументацию авторитетного исследователя. Взявшись «не с того конца», российские исследователи запали на стратегию легких решений, стратегию копирования уже имеющегося интеллектуального опыта (и древнего, и более нового).

Исследователей древности не вполне корректно критиковать за упрощенное видение уникальной политической реальности. Следует учитывать, что их политические представления были обусловлены сложившимся конкретным политическим укладом и социокультурным фоном того времени, когда предлагались соответствующие концепции¹. При анализе же современных концепций циклической динамики в политической науке будет большой ошибкой упрощенный подход, основанный на простой экстраполяции ранее предложенных циклических концепций на современную политическую реальность. Современные циклические теории должны всесторонне учитывать нарастающую сложность политической жизни в целом и политики в частности. Обнаруженные в рамках синергетики феномены случайности, сложности и необратимости постоянно должны приниматься во внимание при анализе политического процесса в рамках теорий, претендующих на фундаментальность.

И. Пригожин, И. Стенгерс в своей знаменитой книге «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой» подчеркивали, что когда в науку «в

качестве объекта положительного знания входят случайность, сложность и необратимость, мы уходим от прежнего весьма наивного допущения о существовании прямой связи между нашим описанием мира и самим миром. Объективность... обретает более тонкое значение»².

Исследователи все чаще стали отмечать, что «линейно-эволюционистские парадигмальные схемы динамики политических систем, еще недавно столь популярные среди теоретиков модернизации и транзитологов, все нагляднее обнаруживают свою теоретическую несостоятельность и неадекватность современным мировым реалиям. За рубежом и в нашей стране появляется все больше работ, авторы которых основываются на различного рода волновых либо циклических концепциях политического развития. Вместе с тем с методологической точки зрения циклически-волновой подход к изучению политических изменений еще имеет немало слабых мест. В ряду наиболее острых проблем исследователи отмечают, во-первых, недостаточную разработанность критериев аналитического вычленения циклически-волновых процессов из всего многообразия социально-политических трансформаций, что нередко провоцирует острые дискуссии даже по поводу самого наличия соответствующих циклов; и, во-вторых, весьма скромные успехи политической науки в осмыслении причин и механизмов возникновения, относительно устойчивого воспроизводства и угасания подобных процессов в политической сфере. Иными словами, эти стороны политического до сих пор по большей части остаются скрытыми от взора исследователя»³.

Следует признать, что сегодня мы не имеем теории цикличности, которую бы можно было «приложить» к практике – политическому процессу в целом, к социальной или иной политике в частности. Проблема практической применимости теорий цикличности усугубляется еще и тем, что не достигнута необходимая степень инструментализации этих теорий, они малофункциональны, а некоторые из них вообще нефункциональны. В результате мы вынуждены пользоваться для нужд политологии экономическими, культурологическими и другими теориями, которые используют присущий их предмету научный инструментарий. Осознавая, что не совсем корректно инструментарий одной науки без корректировки автоматически использовать в другой науке, мы при этом не вполне осознаем, что речь идет даже не о фундаментальных теориях, а максимум о теориях среднего уровня.

В отличие от экономики, в политической сфере не все отношения носят овеществленный характер, и поэтому циклические модели в политике сложно верифицируемы. В результате цикличность может иметь совершенно разные временные режимы – одни скоротечны, другие более растянуты во времени. Отличие политических циклов в том, что часть из них характеризуется

более или менее четкими временными границами (например, электоральный цикл), но есть циклы, которые не вписываются в столь жесткие временные рамки (например, циклы политического развития). У последних также имеют место отдельные периоды условной протяженности, своя содержательная составляющая, и поэтому они могут протекать различно. Внутри этого цикла могут быть возвратно-поступательные циклы.

На основе комплексного анализа политического процесса нами была разработана циклическая модель (рисунок), состоящая из пяти стадий, которые гипотетически проходит политическая система: 1) *рождение* (созидание новых идей); 2) *рост* (распространение идей); 3) *зрелость* (реализация государственной идеи и стабилизация); 4) *подведение итогов* (унификация); 5) *переход* (накопление ресурсов и новый кризис).

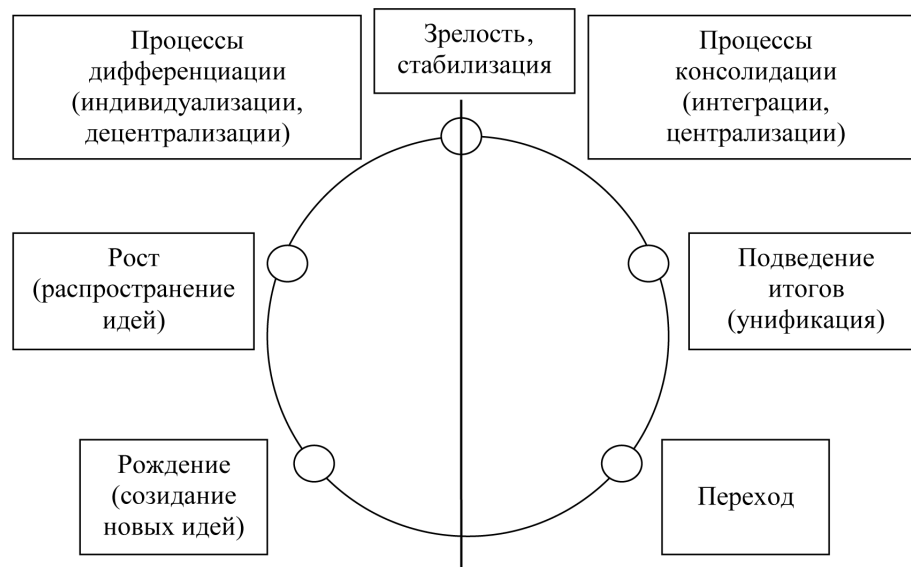

Схема циклического развития политической системы

Механизм функционирования политической системы в рамках представленной нами модели состоит в следующем. На каждом новом этапе развития система вбирает в себя весь опыт предыдущего этапа, ускоренно повторяя его в малом цикле, – в этом состоит преимущество развития. Схема же накопления опыта и перехода на качественно новый уровень повторяется – и в этом проявляется подобие. Предпосылки для перехода системы на следующий этап начинают формироваться внутри предыдущего и представляют собой результирующий вектор всего процесса функционирования системы на ранее пройденных этапах.

Схему циклического развития политической системы условно можно разделить на две относительно равные половины.

Предложенная нами выше схематическая конструкция исходит из диаметральной противоположности процессов развития политической системы в рамках начальных стадий (рождение и рост) и завершающих стадий (унификация и переход). При этом поворотной (переходной) точкой служит стадия стабилизации. На основе системного рассмотрения политических процессов в рамках описанной нами циклической конструкции мы пришли к выводу, что в процессе развития системы происходит чередование процессов *дифференциации* и *консолидации*, и наиболее четко эти процессы отслеживаются в рамках двух начальных и завершающих стадий.

При этом в данном случае речь идет не о резком переходе (скачке) системы от дифференциации к консолидации, а о плавном (преимущественно волнообразном) переходе. Одна из таких концепций – это концепция повышательных и понижающих волн Н. Д. Кондратьева⁴.

Так, повышательная волна соответствует процессам *дифференциации* в рамках предложенной нами модели. Если исходить из образных аналогий, то повышательную волну системы можно сравнить с «вдохом», когда происходит забор энергии. Многообразные процессы, в основе которых лежит дифференциация, соответствуют внутренней логике этого образа: обновление системы новыми идеями; вовлечение в мировое сообщество новых регионов, связанные с этим географические и другие открытия во многих сферах и множество подобных процессов. Если исходить из предложенной нами циклической конструкции, *сектор дифференциации* (см. рисунок) включает в себя: стадию *рождения политической системы нового типа* и сопутствующие этому процессы обновления институтов власти, активного политического лидерства, реализации возможностей для политического, экономического, культурного и социального разнообразия, а также сопровождающие эти процессы локальные конфликты; стадию *роста и распространения идей* и сопутствующие этой стадии процессы информационного обновления, развития идео-

логии, предложенной лидером, экономической экспансии, космополитизма и др.

Понижительная волна соответствует процессам *консолидации*. Если исходить из образных аналогий, то повышательную волну системы можно сравнить с «выдохом», или периодом отдачи энергии, использования ранее накопленного потенциала с целью получения системного результата. Многообразные процессы, характерные для консолидации, соответствуют внутренней логике этого образа: замедление инновационного обновления; эксплуатация ранее разведанных ресурсов; постепенное исчерпание системой внутренних возможностей для дальнейшего развития; процессы централизации и др. подобные процессы. *Сектор консолидации* (см. рисунок) включает в себя: стадию *унификации* и сопутствующие ей процессы автоматизации действующих механизмов, более ярко выраженного сплочения во всех сферах (унификации законодательства, монополизации), резкого уменьшения разнообразия жизненных укладов, глобализации, к концу цикла снижения управляемости в силу повышения кризисности развития во всех сферах; стадию *перехода* и сопутствующие этой стадии процессы: при грамотном использовании правящей элитой внутренних ресурсов предыдущих этапов цикла происходит максимальное накопление ресурсов и их использование для развития новой системы («богатое социальное государство»); при нарушении циклических принципов старая политическая система уходит в прошлое, активно разрушаясь.

Стадия *стабилизации*, как было отмечено выше, находится посередине, образуя поворотную точку между дифференциацией и консолидацией. Внутренняя логика этого цикла тесно связана с процессом системного «переваривания», реализацией сгенерированных на предыдущей стадии идей, это некая «точка образного равновесия», в рамках которой происходят фиксация достигнутого результата и одновременная стабилизация наблюдаемых на предыдущей стадии процессов.

Рассмотренная нами конструкция вполне применима и к процессам внутри мировой политической системы.

Мы полагаем, что локальные вооруженные конфликты нередко сопровождают процессы *становления* миросистемы в двух начальных стадиях в рамках повышательной волны, а наиболее масштабные военные конфликты, в которые нередко вовлекаются большие государства, происходят между стадиями унификации и перехода в рамках понижательной волны. На последнем цикле локальные вооруженные конфликты нередко обостряются, быстро множатся, в них вовлекаются большие государства. Подчас они приобретают глобальный характер.

В предложенной выше модели следует также обратить внимание на взаимосвязь *творческого принципа* и *принципа сохранения*. При описании концепции политического цикла мы обращали

внимание на две составляющие циклического развития, одна из которых определяется процессами дифференциации, другая – процессами консолидации.

Если в основе дифференциации лежит творческий принцип, то в основе консолидации находится принцип сохранения. Из данной схематической конструкции можно сделать вывод, что в процессе перехода системы к стадии унификации, когда мы наблюдаем вполне закономерный рост валового национального продукта, иных ресурсных возможностей государства, возникает и потребность в активизации творческих начал общества (отсюда запрос на инновационную деятельность). Для поддержания национальной безопасности важен фактор гармоничного соотношения творческого принципа и принципа сохранения. В условиях перехода системы на стадию унификации принцип сохранения становится ведущим.

На стадии рождения и роста системы мы наблюдаем процесс усиления влияния принципа творчества, нередко в ущерб принципу сохранения. Поэтому творческая идеология этого периода должна быть сбалансирована авторитарным (охранительным) началом. И наоборот, на стадии унификации и перехода доминируют рутинные практики принципа сохранения, и поэтому система нуждается в активизации творческого начала, духовной составляющей общественного развития. На стадии стабилизации мы, как правило, наблюдаем более или менее сбалансированное сочетание двух ведущих принципов развития. В данный период важны инновации в режиме политической преемственности. Одновременно с этим стадия стабилизации – это некая точка перехода от доминирования творческого принципа к доминированию принципа сохранения. Поэтому именно в этой точке закладываются дальнейшие стратегические тренды развития политической системы. На этой стадии необходимо создать творческий задел для дальнейшего гармоничного сочетания принципов творчества и сохранения.

Отдельно следует сказать о влиянии на политический процесс микропроцессов.

По мнению М. В. Ильина, «особой методологической задачей является разработка способов концептуализации смены ритмов, в т.ч. сохранения “старых” циклов в новой ритмике. Кроме того, возникает проблема сочетания (взаимоналожения, включения) циклов неодинакового масштаба и в силу этого неодинаковой природы: гиперциклов, мегациклов, макроциклов и, наконец, микроциклов. Весьма вероятно, что было бы удобнее по-разному использовать образы волн и циклов. Первые уместнее относить к повседневной политической динамике, вторые – к крупным этапам политической истории или даже к эволюционным ступеням политического развития»⁵.

Очевидно, что каждый цикл включает в себя микроциклы. Их природа та же, что и у больших циклов. Отличие в том, что по фактору времени,

если рассматривать относительно больших циклов, они более скоротечны. Пять аналогичных большим циклам микроциклов эволюционно (на уровне микропроцессов) подготавливают систему к более заметным мезопроцессам. Последние предопределяют макропроцессы. Эта схема замыкается в бесконечности. Поэтому вся длина «спирали развития» политических форм нашему взору не видна. Мы всегда можем наблюдать лишь какой-то отдельный ее отрезок. Именно локальный временной отрезок мы обычно и подвергаем комплексному политическому анализу.

Для большей достоверности результата важен учет больших отрезков спирали развития политической системы. Однако процесс выбора длины временного отрезка, как правило, определяется исследовательскими задачами. Фактор присутствия в циклах микроциклов нередко сбивает исследователя с правильного пути в процессе политического анализа ситуации. Поэтому можно предположить, что для грамотного отделения процессов микроцикличности от макроциклов необходим последовательный анализ и тех, и других.

Поскольку любой цикл имеет свои ресурсные возможности и ограничения, соответствующие внутренней логике (или внутреннему принципу) цикла, то можно предположить, что также имеется определенная степень свободы выбора одного из вариантов дальнейшего развития системы. Такое пространство обычно открывается на стыке циклов, когда еще решение не принято, предпосылки не сложились и нужно удержаться от действия.

Гораздо сложнее управлять ситуацией, когда сформировались все необходимые предпосылки для перехода на следующий этап цикла. В этой ситуации уже явно вырисовывается сложившийся тренд, соответствующий одному из возможных сценариев развития ситуации. Когда же ситуация еще дальше развивается, то становится очевидным процесс уменьшения вариативности принимаемых решений.

На каждом таком временном переходе, вероятно, в какой-то мере возникает ситуация бифуркации. С позиций синергетики переходный момент – это область «вблизи точек бифуркаций». Состояние системной неустойчивости предоставляет возможность выбора из нескольких вариантов будущего развития системы. Так, характеризуя общие закономерности динамики систем, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей вблизи точек бифуркаций, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего»⁶. Учитывая явление «вложенности» циклов, мы можем предположить, что состояние бифуркации характерно не только для цикла перехода системы от одного типа к другому (когда система приобретает новое качество), но и для ситуации перехода (без заметного

изменения ее качества) с одного этапа цикла на другой. Поэтому явление бифуркации мы можем наблюдать (хотя и недостаточно отчетливо) и на уровне микроциклов, которые подготавливают систему к более масштабным и очевидным для исследовательского взора сдвигам. Вероятно, в состоянии бифуркации, возникающем на стыке циклов, открывается пространство, когда становится возможным выбор одного из вариантов развития ситуации.

Любой из возможных вариантов дальнейшего развития всегда продиктован ведущим принципом (или внутренней логикой) того этапа цикла, к которому переходит система. Выбор одного из таких вариантов в какой-то мере связан и с процессом предыдущих (уже состоявшихся) выборов (элемент преемственности), а также с новым этапом цикла, на который переходит система.

Отсюда можно предположить, что при переходе на стыке этапов цикла всегда есть общая тенденция (или тренд), которая характеризует внутреннюю логику нового цикла, и несколько вариантов развития ситуации в рамках заданного циклического тренда. В каждом из имеющихся вариантов содержится сценарий дальнейшего развития ситуации. Последний формируется из сложения состояний подсистемных составляющих и циклического тренда. Для более точного прогноза необходим учет микро-, мезо- и макрофакторов, связанных с циклическими процессами соответствующего уровня. Последнее обстоятельство значительно усложняет процесс прогнозирования. Невозможность полного учета этих процессов приводит к тому, что точность любого прогноза всегда относительна.

В данной связи Н. Д. Кондратьев справедливо отмечал, что «проблема объяснения больших циклов на данной ступени знаний представляется необычайно трудной. Если мы не располагаем вполне разработанными методами простого обнаружения циклов, то, конечно, еще труднее дать их объяснение»⁷. Очевидно, это связано с тем, что предлагаемая исследователями методология не всегда органична состоянию эмпирической базы.

Таким образом, в настоящее время необходимо четко определиться с политологическим пониманием цикла. Очевидно также, что имеется целый ряд противоречий (несстыковок) между экономическим и политологическим, философским и политологическим пониманием цикличности, что, в свою очередь, требует разработки специфического политологического понятийного аппарата, связанного с цикличностью.

Многообразие концепций цикличности и моделей циклов, предлагаемых исследователями различных отраслей научного знания, далеко не случайно. Это связано с указанными выше противоречиями.

Модель цикла в политической сфере нередко принимает форму «гроверной шайбы», где «концы» цикла вроде бы сомкнуты, но в реальности

имеется очевидный *перекос (несовпадение)*, от которого, в свою очередь, берет свое начало новый политический цикл. Наша задача – объяснить феномен «перекоса» в начальных и завершающих фазах цикла, когда зачастую формируются отношения, диаметрально противоположные друг другу. В результате возникает конфликт, и в этом конфликте образуется источник нового цикла (меньшего или большего размера). То есть мы имеем не просто «диалектическую спираль развития», мы имеем цикл, который еще зачастую порождает ряд других циклов большего или меньшего масштаба. При этом циклы постоянно накладываются друг на друга, образуя сложную ткань, имеющую «сетевую» структуру.

Циклическая сетевая структура имеет все признаки системности, она образует «ткань» политического пространства в форме «кольчужной сетки» или «кольчатого доспеха», который сплетен из железных колец и выполняет защитные функции. В кольчуге представлены кольца с разрывами, но, несмотря на это, при обычных обстоятельствах она сохраняет свою прочность и относительную эластичность. При наличии определенной совокупности обстоятельств прочность утрачивается. Это происходит, когда рядом находятся два кольца с разрывами и в эту точку наносится удар стрелой или копьем.

То есть речь применительно к нашему объекту исследования идет о том, что предьявляется внешний или внутренний «вызов» национальной политической системе, который провоцирует некую катастрофичность в динамике политического процесса. Благодаря мощному и направленному действию прочная «кольчужная сеть» рвется в определенном месте. При этом рвется самая прочная кольчуга, поэтому их в древности плели в два-три ряда, чтобы минимизировать варианты совпадения зон склепки у колец.

Если и дальше использовать образные аналогии, то саму политику по выполняемым функциям можно уподобить «щиту». Если рассматривать культуру как некий «защитный панцирь» или слой, то политика будет выполнять функцию «щита», за которым может укрыться легионер. Ключевой вопрос формулируется так: *может ли достойно противостоять внешним и внутренним вызовам современный «щит российской политики» в той конфигурации «кольчужной сетки», которая у политической системы сейчас имеется?*

Внутренние механизмы этого процесса в определенной мере можно объяснить, используя законы синергетики и теории сетевого общества. «Кольчужная сетка» может сжиматься, растягиваться, и вот этот момент эластичности хорошо описывается в критериях синергетики.

Поэтому одна из центральных задач нашего исследования состоит в том, чтобы разработать и предложить синергетическую модель политических циклов и попытаться объяснить с точки зрения синергетики и ряда других теорий, каким

образом большие и малые циклы, имея собственную динамику, «сплетаются» в эту общую «сеть»; попытаться показать, каким образом происходят «совмещения колец» и какие политические действия, решения следует предпринять, чтобы не допустить разрывов, предотвратить катастрофичность в динамике политического процесса.

Большие и малые циклы – это некая сетевая структура, состоящая из элементов (отдельных циклов), причем каждый из них вполне самостоятелен и самодостаточен. Взаимодействие этих циклов, моменты их наложения друг на друга мы зачастую даже не замечаем, а начинаем замечать, когда весьма прочная «кольчужная ткань» по какой-то причине разрывается.

Можно использовать предложенную выше синергетическую модель политических циклов также и в глобальном аспекте. В политическом пространстве каждая страна, каждый регион, каждый этнос, каждая элитарная группа – это своего рода «кольцо, вплетенное в общую сеть», и все они вращаются по собственным траекториям. Бывает так, что какие-то «разрывы» у этих колец совпали, и вот тут наблюдается упомянутая выше катастрофичность в динамике политического процесса и прочная «ткань» политической системы «рвется».

Еще одна из задач нашей работы заключается в том, чтобы продемонстрировать возможности предложенной в работе методологии при анализе политического процесса в целом, сделав акцент на этапах цикла и его сетевой структуре, и социальной политики в частности. Для этого считаем необходимым включить социальную политику в свой объяснительный блок.

Основываясь на тезисе, что современная политика – это сетевая политика, мы полагаем, что для анализа ее функционирования нужна разработанная концепция, апеллирующая к сетевым образам, к сетевой логике. Если сама реальная политика представляет собой «кольчужную сетку», то социальная политика в нее вплетена как «большое кольцо». Но в этом кольце есть еще свое внутреннее плетение. Основная цель анализа – показать ее внутреннюю структуру и определить возможные «точки разрывов».

Предложенная выше синергетическая модель политических циклов имеет определенный выход на практику через сферу политического прогнозирования. Если мы при помощи синергетики этот образ приведем в некое логическое состояние, то есть объясним эти моменты сжатия, растяжения, деформации циклов, то тогда сможем с помощью этой системы составить прогноз развития политической ситуации на перспективу. При этом следует учитывать многофакторность и сложность современной политики.

Центральная задача в рамках предложенной выше циклической конструкции и методологии – попытаться обнаружить в структуре политического пространства и в структуре политического

времени на основе анализа имеющегося эмпирического материала те критические зоны, где «кольца» российской политики попадают «спайками» друг напротив друга, сделав акцент на возможной катастрофичности подобного сценария и его последствиях.

Примером практического применения данной методологии может быть анализ состояния социальной политики путем выделения потенциально критических для политической системы участков цикла.

Так, например, если рассматривать современную социальную политику России, то внутренними циклами в ней будут: 1) цикл, связанный с мобилизацией общественных ресурсов; 2) цикл, ориентированный на удовлетворение потребительских интересов общества.

Данная сетевая структура до определенного момента достаточно функциональна. Помимо прочих факторов это становится возможным благодаря тому, что цены на природные ресурсы весьма высоки и у государства по-прежнему имеются необходимые и достаточные материальные активы. В результате «сеть социальной политики» сохраняет свою прочность и эластичность. При этом упомянутым выше циклам удастся благополучно «проскакать» критические точки возможных «разрывов».

Однако если предположить, что в определенный момент «спайки колец» оказываются друг напротив друга, то внешний вызов может спровоцировать необратимую катастрофичность национальной политической системы. Например, произойдет очередная революция в нефтедобывающей стране или, наоборот, ситуация стабилизируется и цены на нефть упадут. И в какой-то момент окажется, что государство, набрав большой объем социальных обязательств, не в состоянии будет их выполнить. Это как раз та ситуация, когда две «спайки колец» оказываются друг напротив друга.

Подобная ситуация наблюдалась на стадии распада СССР, когда огромные социальные программы были «завязаны под нефтяную трубу»; и как только в мире началось падение цен на нефть, во многом спровоцированное искусственно нашими геополитическими противниками, – удар был нанесен в эту «спайку колец», и вся «кольчужная сетка», «броня» советской власти быстро «расползлась». В этот период многие элементы «политической сети», которые, подобно циклическим

структурам, ранее двигались в фоновом режиме по своим траекториям (например, региональные элиты, которые раньше были в одной «сетке» с федеральной элитой), сами стали «распаивать» национальную политическую сеть. В результате страна столкнулась с сепаратизмом, который выразился в так называемом параде суверенитетов. Эта ситуация характеризовалась тем, что региональные элиты фактически стали функционировать в самостоятельном циклическом режиме.

Приведенный выше пример применения предложенной нами методологии свидетельствует об ее эмпирических возможностях. Мы осознаем, что представленная здесь теоретическая модель имеет определенные противоречия. Вместе с тем ее достоинством является попытка всестороннего учета феноменов случайности, сложности и необратимости, что вполне соответствует современным представлениям синергетики. Помимо этого в ней принимается во внимание и сетевой характер современной политики. Последовательная разработка данной методологии позволит преодолеть схематизм и описательность в процессе политического анализа, создать необходимую основу для разработки теорий фундаментального типа.

Статья опубликована при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 12-03-00211 «Политическая циклистика и систематика: проблемы методологии и практического применения»).

Примечания

- 1 См.: Логинов А. В. Теория циклов в политических учениях IV–начала XIX века // Экономическая история. 2012. № 3. С. 62–71.
- 2 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / под общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова : 6-е изд. М., 2008. С. 59.
- 3 Волны и циклы политического развития. Заочный круглый стол // Полис. 2002. № 4. С. 18.
- 4 См.: Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.
- 5 Ильин М. В. Волны памяти versus сюжеты развития // Полис. 2002. № 4. С. 35.
- 6 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 227–228.
- 7 Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Указ. соч. С. 387.